

ПОСТЕЛЬ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

эротические новеллы 1848–1861

An illustration in a painterly style depicting a scene from a Russian ballroom. In the foreground, a woman with dark hair styled in a bun wears a light blue, off-the-shoulder ball gown and white gloves, holding a small fan. She is looking towards a man who is leaning in towards her. The man has dark hair and a mustache, and is wearing a dark green military uniform with gold epaulettes and a high collar. In the background, another couple is visible: a man in a similar military uniform and a woman in a purple dress. The room is ornate, with a large chandelier hanging from the ceiling and a large mirror on the wall. The overall style is reminiscent of 19th-century Russian art.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФЛИРТ

Александр Гордин

18+

Александр Гордин
ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФЛИРТ |
«Постель Российской Империи»
Серия «ПОСТЕЛЬ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ», книга 4

<https://litres.ru/74494909>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эротическая новелла 18+ из цикла «Постель Российской империи»: Княгиня не должна раскрывать веер на мазурке. Особенно если рядом камергер, который танцует так, будто уже решил её судьбу.

Муж далеко, в имении, считает сукно для карт. В Петербурге — балы, ложи, записки без подписи и низкая дверь на Мойке.

Елизавета Волховская пять лет была послушной женой и слышала «ну, будет». Теперь ей хочется, чтобы мужчина смотрел, а не отворачивался к стене. Чтобы взяли не как жену — как женщину, которая уже не может назвать своё желание чужим.

За зеркалом-псише — январский свет, чужие туфли у печки и рот, который выдаёт всё. Веер она заберёт. Стыд — останется с ней.

Петербургский флирт. Столичная эротика 1852 года. Цикл
«Постель Российской империи».

Содержание

Новелла из цикла «Постель Российской Империи»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Александр Гордин ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФЛИРТ | «Постель Российской Империи»

Новелла из цикла «Постель Российской Империи»

На третий день метели дамская комната на Волчьей Станции держала тепло лучше чистой половины. Печь стояла вплотную к стене, салоны сушились на гвоздях отдельно, чтобы пар не шёл на подушки, а дверь в сени Аграфена Михайловна, жена смотрителя и хозяйка почтовой станции, притворила так, будто за нею не коридор, а чужой мужской смех.

Княгиня Елизавета Львовна Волховская сидела у окна, тридцати четырёх лет, в том же чёрном, в каком приехала с тракта ещё позавчера. Веер лежал в муфте: кость пожелтела, бумажный лист по краю затёрся до серой полосы. Рядом, у печки, грела озябшие пальцы Варвара Семёновна Тихонова — компаньонка княгини, ехавшая с ней из усадьбы, тридцати двух лет. С самой дороги у неё за пазухой лежало пись-

мо: сургуч цел, почерк на обороте она узнала ещё в усадьбе. То вынимала — взглянуть на печать, то прятала в рукав, не вскрывая. Аграфена протирала самовар суконной тряпкой, надраивая медный бок до блеска, будто от этого и чай выходил чище.

Купец Савва Анисимович Локтев остановился на пороге из сеней, воротник ещё сырой от пара, не входя до конца, обтирая рукав о косяк. Сорок семь. Первая гильдия. За ним тянуло конским потом, дымом и мокрым войлоком; где-то за перегородкой ямщики уже спорили о цене овса.

— Самовар у мужиков кипит, как в кабаке, — сказал он. — А умные речи, гляжу, у вас.

— Умные речи сами кипят, — отозвалась Аграфена. — Вы по делу, Савва Анисимович, али послушать, как бабы воду льют?

Он усмехнулся в бороду и всё-таки вошёл, но сел не к столу, а на лавку у двери — там, где можно уйти, не задев юбки, если разговор станет неудобен.

— По делу. Лошадей до света не будет. А раз не будет — продолжу давешний спор: я считал не раз, и берусь утверждать однозначно — содержанка выходит дешевле жены. Жену корми, её родню корми, карету держи, честь береги. А эту — квартирка, обнова к празднику, раз в месяц счёт. И спит спокойно.

Аграфена фыркнула, не оборачиваясь, и стукнула ложкой о медный бок самовара, будто ставя точку.

— Спит-то кто спокойно?

— Тот, кто платит. Ей-то что. Платье новое.

Елизавета не ответила. Пальцы нащупали в муфте кость веера — ту самую, что когда-то стукнула в чужой обшлаг на мазурке. За окном скребся снег, мелко, как песок. В комнате пахло мокрой шерстью, воском и самоварным дымом. Варвара опять вынула письмо, взглянула на печать — сургуч с усадьбы, почерк на обороте мелкий, французский, слишком ровный для родни, — и снова спрятала. Боялась не метели: вскрыть при княгине — и того, что внутри окажется именно то, чего она ждала.

Для всех разговор шёл своим чередом, как течёт вода мимо камня. Для Елизаветы под одним этим словом — «содержанка» — открылась целая зима, много лет назад, и она не сразу нашла в себе силы ту зиму закрыть.

* * *

Ей было двадцать пять. Зима пятьдесят второго. Муж остался в Волховском: счета, конюшня, дорога, которую он ненавидел сильнее столицы. Писал коротко, без нежности, в том же духе, в каком по ночам говорил «ну, будет»: не сиди подолгу у тётки на Мойке, дом там сырой, а в феврале, Бог даст, сам приеду и отвезу тебя домой, в имение.

Тётка Марья Петровна держала дом на Мойке, в два окна на воду, и всякого приезжего первым делом усаживала по-московски к самовару, будто ещё до разговора решала, свой он или чужой. По утрам с реки тянуло сырым гранитом и

холодом; к вечеру в комнатах пахло воском и тёткиными духами — розой из флакона, которым она начала пользоваться ещё при покойном дядюшке, да так своим привычкам и не изменяла. Паркет натирали воском до желтизны, и по вечерам свечи двоились в полу. Елизавета одевалась в тёмное, замужнее: перчатки новые, веер светлый, ещё не затёртый. Белого ей уже не носить — белое осталось девицам на смотрины.

Муж в письме спрашивал, не отсырели ли его карты в дорожном сундуке. Про неё — ни строки. Этим вечером тётка везла её на бал. Она перечла письмо у окна, глядя, как по тёмному льду идёт мелкая снежная крупа, и почувствовала не обиду — жар внизу живота, тёплый и стыдный: сегодня её будут держать за талию чужие руки, а в письме — одни карты.

На балу в доме Энгельгардта на Невском былолюдно и душно от свечей: горничные едва успевали снимать нагар, а лакеи разносили шампанское в серебряных вёдрах со льдом. Оркестр взял мазурку чуть резче, чем следовало скрипкам. В зале пахло пудрой, мокрым сукном и игристым вином. Дамы стояли вдоль стен; веера на цепочках стучали по кистям, у одной из барышень отскочила пуговица с перчатки — та не смутилась, зажала перчатку в левой ладони и танцевала так, до половины руки голый.

Его звали граф Лев Андреевич Ратмиров, тридцати девяти лет, камергер, женат; жена безвыездно жила в подмосков-

ной усадьбе, к мужу в столицу не ездила уже третий год. Сам — худощавый, выбритый, с орденом на груди, который не качался даже в повороте: человек привык, чтобы на нём всё держалось, включая разговор и чужое молчание. Смотрел не тепло и не зло — оценивающе, как смотрят на вексель, который ещё решают, принять или нет.

Он пригласил Елизавету не первым и не десятым — а вовремя. Назвал княгиней так, будто проверял, не отвыкла ли она от этого слова в губернии. Руку она дала. Её пальцы в перчатке согрелись от его руки — и только.

На втором круге, когда пары сошлись плечом к плечу, кость веера случайно стукнула ему в обшлаг. Он не отнял руки: принял стук за знак, хотя она ничего и не хотела сказать. Смотрел не в лицо — на вырез платья, туда, где тёмная ткань сходилась на груди. Каблук её скользнул по паркету; она поймала такт, и от этого короткого успеха вдруг стало жарко под костями корсета, как бывает, когда тебя не просто ведут, а держат крепче, чем требует фигура танца.

— Вы танцуете, как человек, которому тесно в собственном доме, — сказал он по-русски, а в следующий такт, тише, почти в волосы: «*Je ne demande pas la nuit. Seulement la possibilité.*» Я не прошу ночи. Только возможность.

Она могла сделать вид, что не расслышала. Могла засмеяться, будто он сказал глупость про погоду. Веер остался в его обшлаге ещё на полтакта. Потом она раскрыла его между ними — не резко, как отказывают, когда хотят, чтобы весь

зал это видел, а медленно, так, чтобы зал видел только бумагу, не губы.

Он улыбнулся краем рта: отказ не прозвучал, стало быть, разговор ещё не кончен.

У колонны стояла Надежда Сергеевна Челищева, в сиреневом, ещё не было двадцати пяти, с серьгами слишком новыми для бедного дома. Ей кланялись на четверть такта позже, чем следовало по роду. Елизавета помнила её по прошлому приезду: мать в Твери, брат без должности и без жалованья, платье перешитое. Теперь на шее лежал камень, какого в таком доме не покупают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.